

ПИСЬМО ВЛАСТЬ ИМУЩЕМУ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Всеобъемлющий разум Канта когда-то обладал и правил думающим миром, предлагая императив нравственного закона — главного закона человечества. Мы же остались без этого разума и с точки зрения прагматического смысла, в корне которого — развал державы, не сделали ни одной ошибки, без передышки работая бульдозерами. В то же время весь этот энтузиазм, вся эта перестройка, какова она есть, является сплошной ошибкой. Ложный свет стал тьмой. Наша свобода стала освобождением от земли отцов, от ее истории, ее богатств, ее культуры. Мы освободились от самих себя, как самоубийцы.

Наверное, триста лет назад русский народ был другим. Его нельзя было аттестовать как удачливого приспособленца. Знаем ли мы, кто был и есть наш народ? И стоит ли раскладывать по ящикам народы всех веков?

Когда факты превращаются в опыт, возникает наука. Так происходит в истории и морали. Так происходит и с народами: это процесс длительного самосознания. Прошлое — не свобода хаоса, не случайное нагромождение событий, явлений и фактов, но никто не решается отбросить всю политическую шелуху, тяжелый мусор моральных и социальных предрассудков. Прошлое, может быть, не лучше настоящего, в то же время мудрее его, как мудрее всех нас вечный разум народа.

Не знаю, удастся ли власть имущим поумнеть завтра. Мы по крайней мере должны многое понять и сделать сегодня. Народу страшно не страдание, а страх страдания. Когда Вы, любимый враг мой, говорите «да», то Ваш ложный оптимизм должен тревожить и настораживать всех. Ваши обещания — это грядущая народная беда, распятие наших детей, наше будущее, которое сейчас за семью печатями. Ваша стратегия — реставрация неограниченной власти над человеком, ностальгия по Древнему Риму XX века.

Огонь и вода враждебны и несовместимы, подобно тому, как Толстые и Достоевские, Гоголи и Шолоховы всегда по сути своей роковые препятствия перед малоталантливыми тщеславцами. Большие таланты всегда кому-то мешают. Гений от рождения пронизан национальным духом; он хорошо понимает, что заимствованные доктрины — это полированный сфинкс у подъезда чужестранного двора, что современная цивилизация всего лишь витринное проявление прогресса, «сладкая» видимость современной культуры; что, наконец, приоритет Европы, «европейские» придумали сами русские в простодушном уничтожении (в чем правда, для меня бесспорная).

Нет, не наука скажет о душе нашей истинное, а вера русского человека в самого себя как в творца своей судьбы. Только вера и действие спасет нас, а терпение, переходящее в действие, станет силой. То есть сопряжение политических, этических и эстетических начал. Это и есть зарождение новой русской идеи.

Неизлечимый порок нынешней политики — безграмотность. Моральный ценз этой политики — ноль. Вес правды ничтожен. Поэтому мы живем, как на острове посреди океана, в состоянии социальной паники, загадочного повального слабоумия, озлобленности и измены. Не коллективное ли это безумие — власть денег, лихорадочная распродажа всех богатств страны по дешевке, огултая коррупция, грязная спекуляция и одновременно обнищание и голод предлагаются народу как образ и форма жизни? Неужто вам, власть имущим, недостаточно очевидно, что Россию невозможно превратить в Боливию, несмотря на всеобщее оглушение народа?

Леволлиберальная критика несколько лет разжевывала общи «демократические места», взятые на Западе, и, в последней злобе огрызаясь против «быдла», теперь дожевывает себя, бормоча ослабшие вконец формулы лжи.

«Правда — Феникс», по словам Андрея Белого, но не следует верить в самовоспламенение правд. Их следует подымать со дна морского, иначе они канут в бездну, как инки, ацтеки, как Непобедимая армада, нагруженная золотом.

Мы много раз слышали: «Нам нужна одна правда», «Процесс пошел». Или: «Надо глубоко разобраться». Кто разобрался в том, почему немец Руст совершил победную посадку на Красной площади на глазах честного народа; кто объяснил, почему так загадочно затонул «Адмирал Нахимов», каковы причины взрывов в Арзамасе, Казахстане, Башкирии, в Альметьевске, кто объяснил причины десятков крушений поездов, пожаров на заво-

дах, аварий, самолетных катастроф? Кто «глубоко» разобрался в событиях, происходящих в Карабахе, Армении, Азербайджане, Ливне, Казахстане, Грузии, Осетии, Узбекистане, Таджикистане, на границе Киргизии? Кто «глубоко» исследовал причины и поводы серьезнейших забастовок в Кузбассе, Донбассе, Воркуте? Кто раскрыл глобальные разграбления богатств России, миллиардные денежные операции, механизмы коррупции, взятки, крупномасштабных подлогов?

Не слишком ли много обрушилось на наше государство? Кто виноват? Рабочие Кузбасса? Или власти придерживались? Или политические провокаторы? Почему мы поддерживали Америку в ее войне против беззащитного населения Ирака? Почему мы стали поспешно разоружаться и, угождая НАТО, уничтожили свои лучшие ракеты? Кто оголил оборону? Кто разобрался в причинах неугасающих межнациональных конфликтов? Кто сказал правду об августе 1991 года? Или наше государство бесцельно анализировать, исследовать, делать выводы, сопоставлять? В общем, мы вышли из времени и погрузились в безвременье. Для того, чтобы уродство утвердилось, нужно выдать его за красоту и демократию. Это и есть затемнение истины. Это и есть унижение.

И надо ли увеличивать глупость, мистифицировать так долго, утешаясь легкомысленно, что большинство народа терпит и безмолвствует?

Наша демократическая экстрапресса лжет. Егоровское телевидение и попцовское радио искажает даже «кажимость» правды. И гласность, соблазненная приказчиками газетных боссов типа Удальцова, давно потеряла свою девственность и, выглядывая знакомых клиентов в парижских и нью-йоркских галстуках, пошла гулять по российским тротуарам соблазнительно-виляющей походкой.

Все чаще приходит крамольная мысль: нас нельзя было завоевать, нас можно купить.

Что ж, своими заводами химических удобрений американские предприниматели загрязнили, испакостили золотое побережье Черного моря вокруг Одессы, нанесли непоправимый ущерб окружающей среде. Это не позволено в самой захудалой колонии.

Неужели мы продадим иностранным фирмам весь огромнейший регион вблизи Астрахани, где будут построены крупнейшие производства по переработке серы и где отходы, яд, вредные для здоровья вещества запланировано оставлять на русской земле, а чистую продукцию отправлять на Запад?

Неужели в погоне за чистоганом мы пойдем на то, чтобы совместно с итальянской фирмой построить химический завод не в тайге, не в тундре, а в самом городе Тобольске и погубить население этого сибирского города — у детей начнут выпадать волосы, как у стариков (Черновцы, Башкирия, Кара-Калпакия), а женщины будут рожать дебилов?

Неужели наша земля, леса, моря, реки, озера, наши природные богатства станут сырьевой базой Европы и Америки?

Хочется, наконец, спросить не только Вас, одного из всех выбранных и избранных, наделенных в России верховной властью: почему продолжается последовательное саморазоружение, развал нашей оборонной способности, наших пограничных войск, нашей армии, для создания которой потребовалось столько народных сил и народных денег? Неужели в случае военных конфликтов или анархических, националистических беспорядков, провокаций или бандитских дебошей в стране мы напомним прибегнуть не к справедливой воле нашей армии, а к войскам ООН?

Скажем ли мы «стоп» гласности развала и ненависти, придем ли к гласности разума?

Я не верю, что сама собой прекратится травля деятелей русской культуры, запрограммированная травля, дошедшая до абсурда.

Так, стало быть, правда и освобождение? Смысл смысла? Или свобода как узкий туннель смысла в современном понимании, которому нет ни начала, ни конца? Велико искушение протанцевать всю жизнь на лукавстве и обмане, словно на зеркальном паркете в приемных залах власти имущих. Однако к истине рабства привыкают, ее можно скрыть и оболгать. От этого она дряхлеет, но постоянно молодой остается правда. Правда выше истинности. Правда вырезает столетиями, и ее можно на некоторое время лишь приостановить.

Что ж, у наших перестро-

ечных революций даже корни сверху.

Национал-демопредателей от журналистики и литературы объединяют тоталитарно-леворадикальные исторические пороки, круговая клевета, русофобия, злые пристрастия. Серьезных же писателей нередко разъединяет талант. Через несогласие мы не придем к согласию, ибо дело не в мелких несовпадениях по отношению к искусству. Только объединяющая идея всех поборников духа, охранителей чести государства, народной нравственности и достоинства свободы да пребудет спасительной и вечна, коли очистительно пронзят души людей многих.

В своей записке, драгоценный враг мой, Вы сожалете, что я не «ваш, поэтому и проиграл депутатство в любимом своем Сталинграде», что, отойди я от политики, отношение ко мне депрессии изменилось бы, оно вернулось бы в то «заслуженное вашим талантом положение», какое было до «сенсационных, неосторожных высказываний о поднятом в воздух самолете без посадочной полосы, о «цивилизованных варварах», об «украденном фонаре гласности» и т. д.

Но я не занимаюсь политической. Я — вне партий. Чей я? Я лишь частичка родной земли — частичка огромного целого.

Что делать, если вся литература стала политической, если речь идет о судьбе России, о судьбе моего народа, и не только моего...

Вот какой мне недавно приснился сон.

Нет, мы уже не в «одной лодке», мы в открытом океане на плоту; а плот этот бросает, мотает, разворачивая во все стороны, сумасшедшие несет куда-то в темноту. Бревна, плохо скрепленные, трутся, скрипят, стонут, задираются к черному небу, вместе с бешеными водяными валами встают на дыбы, с громом, с обвальным плеском перекачиваются через головы еще живых, смывая в пучину мертвые тела; они соскальзывают с мокрых бревен, и тогда живые, задыхаясь, всхлипывая, захлебываясь, исходят предсмертными криками о помощи.

Чудовищно, но люди перед смертью скапливались чернеючими кучками на разных концах плота — там густо шевелились, переползали на коленях скрюченные фигуры, изредка по-звериному озиралась чья-то голова со слипшимися волосами, и тогда были видны кровавые губы, потеки крови на подбородке, — что-то похожее на голень обглоданной детской ноги швырялось в воду, и голова вновь наклонялась к чему-то розово-белому, распростертому на бревнах. Там же, близ этой кучки жрущих людей, трое в куртках распинали на канатах нагую женщину, заткнув ей рот грязной тряпкой...

Я с ужасом отвернулся, понимая, что схожу с ума, и тут же услышал и восторженно, и гневно вскрикивающие голоса: «Референдум! Провести голосование! Поименно! Президента! Выбирать президента! Нас должны убивать хотя бы по алфавиту! Надо навести порядок! Мы должны сжирать друг друга цивилизованно! Горби! Горби!»

Возбужденные до крайней степени человекки взмахивали руками с зажатыми в пальцах кровавыми мандаматами, кричали все сразу: «Бориса! Народ хочет Бориса! Да здравствует демократия! Гласность! Свобода! Мы будем жрать друг друга по очереди, не в сыром виде! Да здравствует!»

И началась возня, обезумелое перемещение, толкание друг друга к ящику, покоему на урну, потом пронесся визг, мелькнули выключившие смысл глаза, взметнулись кулаки, приклады автоматов, кто-то упал, выдыхая проклятия, урна покотилась по скользкому от крови бревну, какой-то длинноголовый человек кинулся на нее, как на живую, придавил чахоточной грудью, сила горлом: «Демократия, революция, гласность — вы мои любовницы!»

Страшная волна окатила плот, все на нем исчезло, и только разъятый, полусожженный труп женщины ужасал...

Это сновидение не выходит из моей памяти, оно преследует меня и сейчас.

Если этот страшный сон не вызвал у Вас отвращения, то расскажите о нем президенту, впрочем, можете и не рассказывать, чтобы не портить ему настроение после замечательных успехов всех и всяческих реформ.

С удовольствием ставлю точку, так как сознаю, что убеждать Вас бессмысленно. Любимый воят мой.

Р. С. Не стоит ли напомнить древнюю и мудрую надгробную надпись? Вот она: «...Подобный нурса. Встал в полюбивший нас, умчал в море стаю кораблей».

Когда же свяжий ветер напалит наши нурса?